

<http://www.amur.info/easy/2005/06/03/280.html>

3 июня 2005 г.

© Информационное агентство «Амур.инфо», г. Благовещенск Кай Элерс, писатель (Германия) и Вольфганг Грабовски, писатель (Германия)

В Германии так же думают, что Китай претендует на территорию России? На ваш взгляд, кто кого больше боится – русские китайцев или китайцы русских? Какие рекомендации в области демографической политики вы можете дать амурской власти?

ВЕДУЩИЙ Игорь ГОРЕВОЙ:

— Сегодня в нашей студии руководитель московского представительства Фонда Розы Люксембург Вольфганг ГРАБОВСКИ и публицист, автор нескольких книг о России Кай ЭЛЕРС.

— Вы приехали на конференцию «Мост через Амур: Россия и Китай на Дальневосточных рубежах». Если я правильно понимаю содержание ваших дискуссий, вы обсуждаете то же самое, что обсуждают в Благовещенске на улицах, в домах, но только с научной точки зрения, основываясь на фактах, социологических опросах и так далее. Самый большой и устойчивый миф, а может быть страх благовещенцев связан с тем, что нас хотят ассимилировать и присоединить к Китаю. Нас мало, и у нас много природных ресурсов. А китайцев много, и им всегда не хватает природных ресурсов. Что думает на эту тему германская научная общественность?

— В.Г.: Я думаю, что это все-таки действительно миф. Факты, которые мы уже излагали в Иркутске, говорят о другом. Конечно, нет миллиона китайцев в Сибири и на Дальнем Востоке. Может быть, это 180 тысяч в общей сложности.

— За Байкалом или Уралом?

— В.Г.: За Уралом, по-моему.

— Это говорилось на конференции в Иркутске, это подтверждается еще и здесь?

— В.Г.: Да, конечно.

— Кто приводит эти цифры?

— В.Г.: Ученые сибирских университетов, специалисты по Китаю. Они занимаются этим повседневно. Это их статистика, которую они использовали и которая дается официальными институтами и учреждениями.

— К.Э.: Надо сказать, так говорят ученые из Владивостока, Улан-Удэ, Новосибирска, Иркутска, Красноярска.

— То есть другого мнения нет? Это не больше, чем миф и страх?

— К.Э.: Это миф, это та же политика. Есть люди, которые хотят, чтобы так думали.

— Я знаю, что и в России, и Китае изучалось общественное мнение, как относятся жители приграничных территорий к этой теме. Вы знаете результаты этих исследований?

— В.Г.: В Иркутске было предложено исследование местного института социологии. И там давались интересные факты. Например, там, где китайцы и русские ближе всего друг к другу, не боятся и живут вместе, понимая и изучая язык другого, занимаются вместе бизнесом. И это, по-моему, совершенно реальная вещь. Это же мы чувствуем в Германии. Там, где они живут вместе, проблем нет.

— К.Э.: Сегодня говорили о том, что в Благовещенске меньше проблем, чем в Иркутске и во Владивостоке. Поскольку вместе живут, торгуют, друг друга знают и друг к другу идут. Проблем в правовом уровне не существует.

— Кто кого больше боится – русские китайцев или китайцы русских?

— В.Г.: Я как дипломат мог бы ответить, что в Китае не был.

— К.Э.: Я сказал бы, что китайцы русских больше боятся, потому что повторяется история. Для истории, конечно, очень много сложных вещей было.

— Есть еще один миф, что на некоторых китайских картах до сих пор некоторые российские территории обозначены китайским цветом. Это никогда не обсуждалось, или это неправда? Вы не знаете таких фактов?

— В.Г.: Я таких фактов не знаю, и это не обсуждалось ни в Иркутске, ни где-либо еще. Но для меня важнее всего то, что делалось последнее время на границе. Урегулирование этого вопроса не удалось даже при Советском Союзе.

— Как вы расцениваете передачу островов?

— В.Г.: Я работал и в Москве долгое время дипломатом, и в других странах; и считаю, что это совершенно реальная вещь. Если смотреть в будущие отношения России и Китая, как раз по этим вопросам и надо проявлять толерантность.

— Сибирь и Дальний Восток за последние 15 лет очень сильно обезлюдели. Миллионы людей переехали в центральную часть России. Обсуждалась ли эта проблема на конференции?

— К.Э.: В Иркутске мы много говорили, что они идут на запад России, в Германию, Европу. А кто же тут будет работать? Будут работать китайцы или люди из Средней Азии. На самом деле, это самый главный вопрос.

— Какие рекомендации вы можете дать амурским властям для того, чтобы приостановить этот процесс, а еще лучше повернуть его наоборот?

— К.Э.: Я бы сказал: самое главное, чтобы создавали местное пространство. Пусть решают, как решают в Москве, но пусть создают местным пространства, где они торгуют друг с другом, идут навстречу друг к другу и так далее. Найдут свое собственное пространство, свое трансграничное пространство. В этом самый главный

смысл.

— В.Г.: Конечно, для России сложно вкладывать в эти инфраструктурные вопросы, которые в связи с этим надо решать.

— Нужно много денег?

— В.Г.: Конечно, деньги нужны.

— Нам нужно принимать китайские инвестиции или как-то их ограничивать, боясь, что потом здесь все будет китайское?

— В.Г.: Конечно, принимать. Не надо бояться.

— К.Э.: Надо вместе что-то делать. Жить вместе, инвестировать вместе.

— Нужно проводить поддержки собственных строительных организаций? Например, заходит к нам китайская строительная компания. Конечно, у нее больше и оборотного капитала, больше мощь. И, конечно, она вытеснит амурские строительные компании с рынка. Нам нужно защищать местные компании от китайцев?

— В.Г.: Тут нужна совместная политика. Конечно, бизнес - это одно дело. Но если рамочные условия доброй воли - все эти вопросы можно решать. Это та же конкуренция, и это совершенно нормальная вещь. Это делается и в Европе. А без интеграции иначе не получится. Они договорятся о квотах, условиях и так далее.

— У нас есть несколько альтернатив. Как остановить депопуляцию? Рожать больше детей – это реальная альтернатива?

— В.Г.: Не знаю.

— К.Э. Кому?

— Российским гражданам.

— К.Э.: Уговорите их. Это было сложно даже при Советском Союзе.

— То есть вы отшутились? Значит, это нереальная альтернатива?

— В.Г.: Да.

— Второе – смириться с депопуляцией. Сейчас звучат такие радикальные идеи. И постепенно Сибирь и Дальний Восток превратятся в место жительства для вахтового метода работы для добычи полезных ископаемых.

— В.Г.: Это экстремальная ситуация.

— Третье – привлекать сюда мигрантов? Откуда – из центральных регионов России или Средней Азии, или китайцев?

— В.Г.: Может быть, украинцев. Насколько я помню, они всегда очень хорошо работали в Сибири, у них есть опыт, у них много рабочих и свободных рук.

— Но пока они с удовольствием едут в Германию?

— К.Э.: Да.

— В.Г.: Но украинцев в Германии нет. И я думаю, тут конкуренции не будет. И опять здесь важны условия. Надо совместно с китайцами и центром думать, какие условия создавать, чтобы люди прижились.

— Какие интересные факты вас поразили на конференции?

— К.Э.: Для меня были интересными два пункта. Это безграничное пространство, о чем надо говорить. И второй пункт: китайцы говорили, что история повторяется. Мне было очень интересно узнать, почему они так говорят.

— Что подразумевали китайцы?

— К.Э.: Я до сих пор так хорошо и не понял. Поэтому я хочу еще раз спросить, что они имели в виду.

— В.Г.: Это, конечно, надо уточнить. А вообще впечатления от конференции остались замечательные.

— Вас уже возили по городу?

— В.Г.: Да, у нас уже была прогулочка по реке. Меня поразило, что на русской стороне все-таки сохранилась контрольно-следовая полоса. Я не знал. Я думал, что в связи с решениями ее ликвидировали. Мне сказали, что это фактически неудобно российскому населению: нет доступа к реке. А китайские ребята прямо подъезжают, собирают траву и так далее. Насколько я понимаю, очевидно, этим надо заниматься.

— Если в Германии в ближайшем будущем сменится канцлер, это отразится на отношениях Германии и России?

— К.Э.: Нет, это стабильно, потому что это стратегические отношения. Понимаете, нужны нефть, газ и так далее.

— Спасибо за интервью.